

Галина БЕЛЯНИЧЕВА

Благовещенск родной,
Красив ты весенний порой.
Тополя шумят над тобой
Молодою листвой.

(Н. Базыкин, Г. Павлов).

После выхода на пенсию Александр Андреевич Славин, ходивший капитаном на нижнем Амуре, переселился поближе к родным местам - на средний Амур. Вместе с женой они купили дом с усадьбой в большом пригородном селе, смотревшем с возведения на зеленые просторы и дальний город. Немного обустроившись и придав хозяйствству обжитой вид, бывший речник вышел ознакомиться с обстановкой за пределами своего двора. И вдруг от первой же повстречавшейся селянки того же, что и он возраста, на Славина ошеломляюще и взахлест, как от внезапно налетевшего ветра, пахнуло давней молодостью.

- Тоня! - пораженно воскликнул он, останавливаясь.

Женщина, шедшая навстречу, тоже приостановилась; пристально глядываясь в незнакомца в капитанской фуражке.

- Саша! - узнав, растерянно охнула она.

- Ты, небось, думать обо мне забыла, а я вот он, живой, здоровый, тебя встретил! - с радостью и укором сипал он.

Женщина уловила укор и смущилась еще больше.

- Ты здесь проездом или в гостях? - ухватилась она за первое пришедшее в голову предположение.

- Я дом здесь купил. Вон он, - показал рукой на отчетливо выделявшийся забор.

Женщина понимающе кивнула. Как местная жительница она знала, какая усадьба в их селе продавалась.

- А я вот, где живу, - указала она на белое кирпичное строение за штакетниковой оградой. - Мы больше пятнадцати лет тут живем. Я на почте работала, на пенсию отсюда вышла. Так и остались. Заходи в гости, когда захочешь.

- Зайду, - ухватился за предложение он. - Хоть раз, а зайду обязательно. Жди.

Разговор на этом прервался. От неожиданности встречи и смущения они не знали, о чем говорить, и надо было привыкнуть к тому, что им выпало снова увидеться. Женщина свернула к своему дому, а Славин почему-то дальше не пошел. Он стоял, как вкопанный, глядя вслед уходящей. У капельки женщина оглынулась. Давний знакомый смотрел на нее задумчиво и неотрывно, будто, как прежде, спрашивал: «Почему она выбрали не его?» Он был рослым, подтянутым, статным и крепким для своих лет, очень даже интересным мужчиной, и она, к этому времени поддавшая мотивы былого решения, с удивлением и любопытством спросила себя: «Да, почему я выбрали не его?».

Дома Антонина Сергеевна почувствовала себя в таком волнении, что не смогла разложить по местам купленные в магазине продукты и лишь бессознательно перебирала пакеты. Придя в себя, она оставила это занятие, опустилась на стул у стола и, глядя в окно на хозяйственный двор, где копошились куры, отдалась на волю воспоминаний.

В конце лета 1957 года из далекой северной деревни Путятино Тоня Саватеева приехала в город, чтобы работать и учиться. Она поступила в техникум связи на заочное отделение и устроилась работать на телеграф. Папин брат, дядя Миша, не мог взять племянницу в свой, переполненный семьею, дом и временно поселил родственницу в служебной каютке на дебаркадере, где заведовал материальной и хозяйственной частью. Тоня понравилось жить на плавучем вокзале. С утра до вечера на тесной площадке толпились пассажиры. Причаливали суда высаживали одних людей, забирали других, публика обновлялась. Иногда одни и те же лица мелькали по нескольку дней. Приезжавшие решали свои дела в области, а жили на дебаркадере, как в гостини-

«Благовещенский вальс»

Рассказ

может быть впереди с трубой или в ряду второкурсников, и он знает, что она рядом, возможно, глядит на нее и различает в темноте ее силуэт.

Колонна уходила к пограничной заставе и далее к лесозаводу, на короткое мгновение обрисовываясь в свете редких уличных фонарей. На площади в это время всплескивала мелодия другого марша и другая колонна, обогнув здание с башенками, сворачивала на береговой улице к парку. Это шли трудовые резервы. Ремесленное училище располагалось с противоположной стороны площади, которая и для него тоже служила плацем. Издалека обе колонны ничем не отличались: те же черные шинели, те же духовые инструменты, тот же возраст шагающих. Разнили их маршруты и марши. Речники никогда не ходили к парку, а трудовые резервы - к лесозаводу. Зато в разных концах Краснофлотской улицы перекликались между собой марши «Варяг» и «Трудовых резервов». Симпатии Тони принадлежали «Варягу».

В одну из увольнительных Саша пригласил Тоню в парк. Танцплощадка еще работала. На субботний вечер сюда, как магнитом, тянулась вся городская молодежь. Новое, темного драпа, пальто и подобранный к нему желтый берет прибавляли Тоне праздничного настроения. Волосы, цвета вороного крыла, она по приезде в город подстригла, а к свиданию подвела. Черные с блеском глаза светились сокровенным и трепетным ожиданием. Знала бы она, какие огни в них горят и как сокрушительно действуют на партнера, сердце ее не охватывалось бы таким волнением, не колотилось бы так и не замирало. И не было бы, может быть, того чувства, которое они в это свидание испытывали вдвоем.

С переполненной танцплощадки они ушли в аллеи, гуляли там, а выйти из парка Тоня пожелала пройтись по берегу. Саша на секунду замялся, но согласие дал. Эту заминку Тоня уловила, но значения ей не придала. Как новый человек в городе, она не знала здешних порядков, не знала о соперничестве и вражде двух стоящих напротив училищ, не знала о разделении между ними береговых территорий. Участок от парка до площади контролировали ремесленники, «фазаны» по-местному, а от площади и дальше к лесозаводу - речники, оскорбительно называемые «ракушками». Ступить на чужую территорию означало быть битом. Особенно ярились ремесленники, не прощающие речникам успеха у девушек. Поодиночке речные курсанты в сторону парка не ходили, а только ватажками и то лишь с намерением подраться. Тем более, не гуляли сюда парочкой, чтобы не бытьбитом перед девушкой. Но драки, тем не менее, случались. Иногда они переносились под стены речного училища и под крики «Наших бьют!», принимали массовый характер. Разнимать приезжала милиция.

Саша, видно, молодечески не поостерегся. То ли на силу свою понадеялся, то ли на удачу, что «фазаны» не попадутся. Но вряд ли могло повезти в субботу.

Набережной на Амуре еще не было. Берег был природный. Реку возле него загромождали пригнанные с верховьев плоты, приткнувшись к бревнам, подремывали оставленный на ночь буксир, в черных проемах колыхались сцепленные гроздьями лодки. С наступлением темноты хозяйственная жизнь на воде смолкла. Река была предоставлена сама себе. И «до самой утренней зари», как пела потом Тоня, береговую улицу окутывала тишина.

Молодые люди шли берегом и в необычном доверии открывали друг другу глубинные свои мечты, простенъкие по сути, но звучащие в этом момент как самые важные признания. Тоня говорила, что в горо-

де, конечно, интересно, но когда она окончит техникум, то готова вернуться в свою деревню, потому что у них такая самодеятельность, такая самодеятельность, какой нет нигде, ну, может быть, только в городе, и то потому, что здесь есть профессиональные руководители. Саша говорил, что хочет стать не только речным, но и морским капитаном, чтобы всегда видеть перед собою широкий простор.

«Благовещенский вальс»

Рассказ

В этих безыскусных признаниях они почти угадали свои дальнейшие судьбы. Тоня жила впоследствии в далеких леспромхозовских поселках, пока не переехала поближе к городу. Саша возил грузы с Амура в порты Сахалина и Японии. Его теплоход, имевший вместо названия серию и номер, по фамилии капитана называли «Славиными»: «Славин» пришел, «Славин» грузится, «Эй, на «Славине» и так далее.

Еще в то свидание они поведали друг другу о своих увлечениях. Тоня рассказала, что любит петь и жить не может без самодеятельности. Саша подтвердил, что на вечерних прогулках он действительно в иные разы идет с трубой впереди строя, так как играет в духовом оркестре, а на своем курсе является еще и строевым запевалой. Так что в вопросах музыки у них большое совпадение.

О том, что кроме совпадения интересов возможно еще соединение судеб, они тогда не подумали. Дружба их только связывалась и не приблизилась даже к невинным прикосновениям. Они пока не под руку шли и даже не за руку, а рядышком. Но те немногие слова, которыми они обменялись, были наполнены для них огромным содержанием.

За разговором парень и девушка настолько отвлеклись от окружающего мира, что не сразу пришли в себя, когда из темноты на них с угрожающим видом надвинулась кучка черных шинелей.

- Это ваши? - не поняла Тоня.

- Фазаны! - тоном, предупреждающим об опасности, шепнул он.

Тоня припомнилась недавняя заминка в голосе парня, и она поняла, в какую беду, не ведая, вовлекла она человека. От сознания своей вины, вместо испуга она осмелилась. Саша возле нее напрягнулся в готовности принять бой.

Ватажка надвинувшихся была до того тесной, что на глаз нельзя было определить, со сколькими людьми предстоит биться. Впереди остальных выступал высокий подросток с торжествующим, от предвкушения хорошей драки, лицом.

- Попался, ракушка! Теперь держись! - зловеще предупредил он.

Саша, очевидно, его знал, потому что обратился к нему по имени.

- Что тебе надо, Коля?

- А то ты не знаешь. Штраф с тебя за нарушение правила.

- А чем штраф?

- Известное дело, лупцовкой до потери сознания.

- Чьего сознания? - допытывался Саша, не то, изучая обстановку, не то, оттягивая драку.

- Твоего, Сашок, а чьего же больше?

- Ну, это еще посмотрим, - пообещал Саша и поинтересовался. - Драться будем по-честному или все на одного?

- Испугался уже? - усмехнулся высокий.

И тут поспешила вмешаться Тоня. Вежливо и невинно она проворковала:

- Коля, родственников вы тоже обижаете?

- А кто тут родственник? - выступающий вожаком парень сделал вид, что он только что кого-то возле Саши заметил, будто не из-за девчонки они к речнику привязались.

- Прикинь, с кем по родне мы с тобой сходимся, - смело озадачила его Тоня.

Коля побуравил девушку пристальным взглядом, решая про себя, включаться в игру или нет, и раздумчиво произнес:

- С дядей Гришой, что ли, из Кресто-воздвиженки?

- А то, - не утверждая и не отрицая, проронила Тоня.

(Продолжение следует)

К 150-ЛЕТИЮ ГОРОДА БЛАГОВЕЩЕНСКА

Галина БЕЛЯНИЧЕВА

(Продолжение.
Начало в № 12(272)

- Сеструха, значит, - заключил Колян, мотнул головой в сторону заплечной команды, давая отбой. - Не, родственников мы не обижаем, - и насмешливо глянул на Тоню. - Только зачем они с ракушками водятся?

- Не твое дело, - угрюмо выдавил из себя Саша.

- А ты проходи, когда по-родственному тебя пропускают, - ехидно подковырнув вожак.

Саша дернулся, чтобы ударить, но Тоня, вцепившись ему в руку, благородно повела его дальше.

С этого момента рук они так и не расцепили. Прошагав некоторое время молча, Саша вымученно поинтересовалася:

- Что, правда, родственник?

- Да нет же, это я, чтобы отвести драку, - весело призналась она.

Парня ее слова вовсе не обрадовали.

- Лучше бы я подрался! - в сердцах выпалил он.

Несмотря на то, что работа на телеграфе Тоню не утомляла и была скорее не в тягость, а в удовольствие, девушка с охотой оставляла ее по окончании смены и вместе с разливом звонка неслася по крутым металлическим ступеням вниз, торопясь к другим удовольствиям. За два года, которые Тоня прожила в Благовещенске, она, казалось, навечно впечатала свои шаги в городской тротуар от почтамта до Дома офицеров. На самом же деле ни следочка, ни царапины, ни какой-либо отметины от ее каждодневных пробежек не сохранилось. Может быть потому, что она не бегала, а летала, и у нее были крылья?

- Сеструха, здорово! - свалилось на нее откуда-то сверху, когда она пробегала мимо длинного, составного строения ремесленного училища.

Тоня задрала голову. Из растворенного настежь окна второго этажа улыбался ей черноволосый парень. В других окнах тоже были видны молодые лица. Ребята терли тряпками стекла, готовя рамы к заклейке.

Только по обращению «сеструха» Тоня догадалась, кто ее окликает. Иначе бы на свету она ни за что бы узнала вчерашнего вожака фазанов. А он ее, надо же, узнал. Чтобы лучше видеть ее или показать себя, парень высунулся из окна. Из под густых, широких бровей весело посверкивали на нее синие, как небо, глаза. А ведь лицо у него не свирепое и не страшное, как показалось ей в темноте, вполне доброе и очень даже красивое.

- Дяде Грише в Крестовоздвиженке горячий привет, - продолжал улыбаться он.

- Передам, - весело пообещала Тоня, собираясь уходить, но парень снова остановил ее.

- Как тебя звать?

- Тоня, - сообщила она как нечто приятное и, ни на что больше не обращая внимания, побежала дальше.

Дебаркадер, наконец-то, уходил в залон. Тоня, уже жившая с Тамарой во времянке, все еще навещала дядю Миши и в числе редких уже посетителей пользовалась услугами буфета. Но вот был назначен день и время отхода, и Тоня, отпросившись пораньше с работы, пришла проводить.

Буксир уже стоял впереди плавучей пристани. Персонал выстроился у борта, помахивая рукой малой горсткой провожающих. В глубине дебаркадера гремел голос дяди Миши, дававшего последние распоряжения. Он почему-то не спешил с отплытием, будто чего-то еще ждал. День был холодный, с пронизывающим ветром. Амур ехался, торопливо толкая серые, тусклые волны.

«Благовещенский вальс»

Рассказ

ность Коли тоже приятна в общении.

Фильм им попался не очень удачный. Он был иностранный, французский. В нем повествовалось о том, как одна женщина вместе с любовником изживала со света законного мужа. Тоня невольно сопоставляла ту обстановку со своей и по мере развития действия все больше прониклась виной перед Сашей. К концу фильма она изказнила себя за измену, а когда они с Колей вышли на улицу, с решительностью ему сказала:

- По-родственному я в кино с тобою сходила - и на этом конец. Ко мне больше не приходи!

Сквозь ранний сумрак осеннего вечера Тоня увидела, как на щеках парня обострились оранжевые пятна, но окончательности ее решения это не изменило.

В первый раз Тоня опоздала на репетицию. Худрук Евгений Николаевич, сидевший за баином, неодобрительно покачал головой. Хормейстер Нелли, распевавшая женскую вокальную группу, судительно на нее покосилась. Тоня встала на свое место и попробовала запеть. Но, странное дело, из ее горла вырывалось неизвестно от чего появившееся хрипение. Нелли настороженно вслушалась и, прервав распевку, спросила:

- Тоня, что у тебя с голосом?

- Не знаю, - сама себе удивилась Тоня.

- Ты простыла?

- Да нет, кажется.

- Не порти нам звучания, иди, прогуляйся по коридорам, - сказала Нелли. И Тоня вышла.

Она покружила по залам фойе и коридорам, охватывающим по периметру зрительный зал, поглядела на китайские вазы, картины, ковры, задержалась у полотна, изображающего Теркина с кисетом в руках, всмотрелась в смеющиеся лица солдат, пытаясь заразиться их дружным хохотом, но голос к ней не вернулся. Тогда она осела в кинобудке у Тамары.

- Я сегодня ухажера отшила, - призналась она подруге.

- Сашу?

- Ну что ты! - испугалась Тоня подобному повороту. - Другого.

- А зачем? - напрямую спросила Тамара.

- Я же с Сашей дружу.

- А этот другой, он кто?

- Он из ремесленного училища.

- А-а, - разочарованно протянула Тамара.

- Он очень красивый, - заступилась за отвергнутого парня Тоня. - Прямой такой, стройный, глаза синие...

- Ну и зачем отшивала? Пускай бы тоже ухаживал. Я б на твоем месте крутила бы с тем и другим. Какой-нибудь сам отвалится, - рассудила подруга.

- Не хочу я несерьезно оказаться. Они-то мне по-серъезному.

- Зато вот, как бы нагулялась, - сожалела подруга.

- Все равно бы пришлось выбирать. Лучше я сразу, - оправдывала свою позицию Тоня.

С нарастающим усердием художественная самодеятельность готовилась к праздничному концерту в честь сороковой годовщины Великого Октября. Участились и удлинились репетиции. Тоня отшлифовывала ее самой выбранную для сольного исполнения песню «Матросские ночи». Евгению Николаевичу ее выбор не очень понравился, но запрещать он не стал, чтобы не убить в артистке душевного трепета. Нелли своего отношения к выбору Тони не выразила. Она работала с Тониным голосом, добиваясь проникновенного, иногда трогающего до слез звучания. В таких случаях Евгений Николаевич удивленном вос-

хищении раскрывал глаза, и в другие разы смотрел на Тоню с ожиданием чуда. Нелли чуда не ждала, и Тониной возможности не переоценивала. Она признавала, что ее голос способен на высокие взлеты, но в то же время считала его хрупким, неустойчивым, подверженным срывам и зависимым от настроения. Поэтому Нелли не замучивала Тоню на репетициях, давала отдохнуть, советовала не перетруждать го-

лос, беречь его не только от простуды, но и от ненужных волнений. Тоня же знала, что у нее все будет хорошо, пока она в настроении. А она была в настроении, представляя, как взволнуется, услышав ее пение, дядя Миша, и как обрадуется Саша, когда поймет то, что она вложила в свою песню непосредственно для него. Каждому из них по-разному «Матросские ночи» Тоня посвящала обоим.

Для дяди Миши Тоня выпросила у Евгения Николаевича пригласительный билет на торжественный концерт, где должно было присутствовать все высокое руководство города. Она видела издали, в каком приподнятом духе, с какой праздничностью он пришел на концерт вместе с женой, а потом со сцены потеряла его за массу зрителей. Но когда пела сольную свою песню, то мысленно держала перед собой его плотную фигуру в парадном кителе, его добродушное, с выражением благоговения и растроганности лицо, и непосредственно к нему обращала свое родственное обожание и восхищение. Она как бы поднимала над всеми затянувшимся в глубине рядов скромного дядя Миши и как бы показывала, вот он тот самый человек, душа которого живет в ее песне.

И дядя Миша услышал все, что предназначалось ему. Он сидел, смущенно вытирая платком глаза, а когда по выходе из зала встретил в фойе Тоню, с уважением и почтением, как большой артистке, поцеловал ее руку и прочувствованно сказал:

- Ах, Тонечка, как ты меня подняла, как окрылила! Нельзя же так ни за что величивать...

После торжественного городская самодеятельность давала праздничные концерты для комсостава Благовещенского гарнизона, для его воинов, а затем и для курсантов речного училища. Перед этим концертом Тоня волновалась как никогда. Сквозь узенький просвет в занавесе она наблюдала, как заполняют зал черные мундиры. В каждой рослой фигуре ей чудился Саша. Сердце ее вздрагивало и колотилось в волнении. Саша знал, что она будет петь, но не знал какую песню. Этого она ему не сказала и теперь побаивалась неизбежности, с какою раскроется для него ее чувство.

Она так и не отыскала его в зрительном зале, и когда вышла петь, все лица сидящих перед нею курсантов неразличимо слились. Тогда она, как в случае с дядей Мишей, мысленно представила себе лицо Саши, глядящее на нее понимающе и серьезно, и ничего уже не боялась, и пела для него и о нем. Голос ее глубоким и нежным звучанием выдавал то самое чудо, которое всякий раз ожидал от нее Евгений Николаевич. В эту минуту он восхищенно и благословенно смотрел на свою ученицу из-за кулисы. Но она его не видела. Выговаривая сердцем: «Ой, вы, ночки, матросские ночи, только небо и звезды вокруг» - она переводила слова в обrazy, переживания, чувства. Предназначалось это для одного только Саши, но каждый слушающий думал, что для него.

Когда Тоня закончила песню, тишину зала всплеснули аплодисменты, а по проходу бежал к ней рослый курсант с цветами. Саша с торжественным видом вручил ей неизвестно как добытый букет. А глаза его подтвердили: да, они оба из этой песни. Зал бурной овацией скрепил это признание.

Евгений Николаевич перехватил Тоню в кулисах и, прижимая к груди, горячо прошептал:

- Ты это заслужила, девочка, ты заслужила!

(Продолжение следует)

К 150-ЛЕТИЮ ГОРОДА БЛАГОВЕЩЕНСКА

Галина БЕЛЯНИЧЕВА

(Продолжение.
Начало в № 12-13(272-273)

Неизвестно, что он имел ввиду - Тонин успех, аплодисменты, цветы или молодую любовь.

В этом концерте Тоня единственная из всех получила цветы. В раздевалке она разразилась проливными слезами, и недоумевающие подруги никак не могли ее успокоить.

С октябряских праздников для Тони и Саши началась пора безоблачных и счастливых свиданий, поцелуев, объятий. Предводитель «фазанов» Коля Тюрин из горизонта совсем не исчез. Он кружил по-одаль, словно не теряя веры в свой час. Тоня видела его на танцах в Доме офицеров. Когда не было рядом Саши, Коля подходил к ней и говорил, как ни в чем не бывало:

- Сеструха, пошли потанцуем.

Обращение «сеструха» действовало на нее магически, и она выходила на танец, хотя и знала, что Саше это не нравится. Кроме, так называемого, родственного долга, Тоня танцевала с Колей еще и в благотворительных, учебных целях. Несмотря на тополиную стройность, Коля совершенно не был способен к танцам. К тому же, должно быть, у него вовсе не имелось слуха. Он не попадал в ритм, беспоково топтался, не смущаясь при этом своей неловкости. Тоню его неумелость смешала и умаяла в ее глазах достоинство красивого парня. Она не видела, чтобы Коля еще кого-нибудь приглашал, и снисходила к нему из сочувствия. Самого парня, скорее всего, интересовал не танец, а девушка, потому что он приглашал ее и тогда, когда танец был совершенно ему неизвестен. Тоне, в буквальном смысле, приходилось двигать парня под свою команду и удивляться его упорной настырности.

С нового года хоровой коллектив начал готовить программу к летнему празднованию столетия Благовещенска. Разучивались новые песни, пополнялся репертуар. Для солисток Евгений Николаевич принес сочинение местных авторов, посвященное юбилею города. Называлось оно «Благовещенский вальс». Худрук наиграл мелодию на баяне и напел слова. Вальс очаровал всех. Каждая солистка захотела его исполнять. Но хормейстер Нелли положила песню на три голоса, сведя вместе Тонину звонкость колокольчика, грудную наполненность своего голоса и бархатистый разлив пения медсестры Люси. Звучание получалось объемным, широким, а оттого, что солистки пели с чувством и удовольствием, оно проникалось еще задушевностью тона.

Авторы вальса не были жителями Благовещенска. Они приезжали сюда по делам или в гости и отразили в стихах свое гостевое впечатление. Тоня тоже была приезжей, и еще не воспринимала город изнутри, а продолжала видеть его как бы снаружи. Поэтому новая песня сразу же запала ей в сердце, заплела в нем и закружила девушку в своем ритме. Особенное волнование Тоню припекло:

Благовещенск родной
Пусть зори горят над тобой.
Ты стоишь такой молодой
Над амурской волной.

Мотив вальса не расставался с Тоней ни на работе, ни дома, ни когда бежала по улице. То же, наверно, происходило с ее напарницами и другими участницами самодеятельности. Так или иначе, но песню о Благовещенске не удалось сохранить сюрпризом до юбилейных торжеств. Она вылетела из репетиционного зала и разлетелась по городу, завоевывая симпатии жителей. Поневоле участникам художественной самодеятельности пришлось исполнять ее прежде времени в выездных выступлениях: на заставах, в цехах предприятий, в фойе

«Благовещенский вальс»

кинотеатра, пленумах, конференциях и других общегородских и областных мероприятий.

Вальс выдвинулся на передний план в Тониной жизни, потеснив свою обоих ее кавалеров. И пока она пела, оба парня исчезли с ее глаз. Закончился учебный год, пришло время летних практик, и ребята разъехались. Юбилейные торжества задержались из-за наводнения, затопившего улицы. Тоня добиралась на работу на лодках. Тяготы стихийного бедствия стали для нее увлекательным приключением. Когда вода схлынула, город вычистил наносы и спрятал столетие. Все дни торжества Тоня была страшно занята и ничего, кроме лиц слушающей публики, перед собою не видела. После того, как все праздничные выступления отошли, телеграфное начальство резко изменило к ней отношение и, не делая самодеятельной артистке уже никакого снисхождения, вместе с молодежной бригадой работниц связи послало Тоню в колхоз на уборку урожая.

Связисток увезли в небольшую деревушку на берегу Амура, поселили в бригадной избушке и разнорядили на копку картофеля. Почва после обильных дождей была переуважненной, рядки длинноющими, а поле безмерным. Как деревенская уроженка Тоня хоть и была привычна к подобным трудам, но и она с тяжким усилием выдерживала нагрузки. Картошку приходилось выбирать буквально из грязи, руки и ноги целый день в сырости, одежда за ночь, пусть и над печкой, до конца не просушивается. Кроме всего прочего рано захолодевшая осень с затянувшейся дождевой моросью и высокие нормы, с которыми девчата едва справлялись, лишили колхозную жизнь даже маленьких радостей. В довершение прочего, выбранные связистками за день рядки выглядели малой толикой на необыкновенном картофельном пространстве.

Через полторы недели в помощь связисткам прислали отряд воспитанников ремесленного училища, среди которых был Коля Тюрин. На следующее утро черные бушлаты «фазанов» рассыпались по соседству от разномастных жакетов девчат. Коля подошел к Тоне, приветствуя ее неизменным своим обращением:

- Здорово, сеструха, - а затем присел рядом с ней на рядок.

- Не надо, я сама, - запротестовала, стесняясь подружек, Тоня. Но Коля молча продолжал работать. Руки его действовали так проворно, будто он всю жизнь только тем и занимался, что выбирал из земли картофель. А был он леспромхозовским парнем с верхнеамурского производственного поселка и в городе учился на лесозаготовителя широкого профиля с умением управлять механизмами и ремонтировать их.

Колина склонность подгоняла и Тоню. Вместе они прошли явившийся дневной нормой рядок, после чего Коля вернулся на свой, а Тоня помогла приотставшим подружкам. Так стало продолжаться изо дня в день. Руководитель ремесленников попробовал возмутиться, на что Коля коротко возразил:

- Одно дело делаем, могу я девчатам помочь?

К тому же, свою норму он вырабатывал, где сам, где ему помогали товарищи. Тоню же подружки отправляли растилывать печь и варить ужин. Обед им возили на поле, а ужин и завтрак они готовили сами.

Вслед за Колей со связистками задружили и другие ремесленники. По вечерам они стекались к бригадной избушке, где жили девчата. Сюда же подтягивалась немногочисленная деревенская молодежь. Если приходил гармонист, немолодой уже местный житель, то затевались танцы. Если музыки не было, устраивались перепевки. Девчата парою выходили в круг, приплясывы-

вали, били дробь и выкрикивали частушки, стремясь сразить одна другую забористым куплетом. Когда одна пара иссякала, выходила другая и, состязание продолжалось. Иногда кто-нибудь из парней выдавал с места острую припевку:

Милка, ты меня не любишь,
Милка, ты меня не ждешь.
Знаю, милка, на вечерку
С другим хахалем пойдешь.

цвет неба. Но от воды все же несло стынью и поддувало обжигающим холодком. Ребята метались от подвод к барже, перетаскивая на судно затаренные мешки с зерном, картофелем, овощами. Команда укладывала их на палубе. Тоня, похаживая туда и сюда, чтобы не мерзнуть, считала отправляемый груз.

Когда была разгружена последняя прибывшая от зернового двора подвода и

Рассказ

И сейчас же скорая на отдачу певунья с насмешливостью отзывалась:

Чем я, милый, провинилась,
Чем в сомнение ввел?
Вчера поздно на гулянье
С родным братом я пришла.

Тоня тоже выбивала дроби и тоже выкрикивала частушки, благо еще по своей деревне много их знала. Коля обычно находился в толпе ребят и на гуляньях ничем себя не выказывал. Правда, на каждый танец он неизменно ее приглашал и то, как догадывалась Тоня, только потому, чтобы другие не танцевали с нею. Танцевать он, по-прежнему, не умел, но в глазах Тони это теперь его достоинство не умаляло. В остальном же он оставался по отношению к ней скромен идержан. На вечерке возле нее не торчал, на уединенные прогулки не приглашал, границы родственно-товарищеского общения не переступал. Единственное, что заметила Тоня, перестал говорить ей «сеструха» и называл просто по имени. Может, он ее лишь по-родственному воспринимает, как и она его? Но когда в темноте рядом с ним вспыхивала спичка или разгоралась папироса, вырывая из мрака его лица, и Тоне бросались в глаза его воспаленные щеки, у нее закрадывалась мысль, что в городе она Колю недооценила. Конечно, с Сашей его не сравнить, но такой надежной и такой верной опоры рядом с собой она еще не имела.

Вскоре девичью бригаду перевели с поля на зерновой двор, под навесы - сушить, перебирать и затаривать картошку, предназначенную для отправки в город. Работа здесь была легче, чем в поле, но наладила однообразием. На сквозняке под навесами Тоня простудилась. У нее поднялась температура, воспалилось горло. Осип, а затем совсем пропал голос. Коля вызвал к ней деревенского фельдшера, раздобыл в деревне меда, поил горячим молоком с медом, следил, чтобы она выпивала лекарства, прибегал с поля, чтобы протопить печку. Когда ее трепало в жару, он отгонял от дома гулянку. Молодежь уходила петь и плясать дальше, а Коля оставался сидеть возле болеющей девушки.

- Ты, прямо, как настоящий родственник, - похвалила его Тоня, прориная голос сквозь сиплость и хрипоту.

- Может быть больше, - обмолвился Коля, и кирпичный румянец выдал его смущение.

Тоня поняла, что это признание и почувствовала себя виноватой.

Когда болезнь прошла, оставив след только на голосе, не старшая по бригаде связисток, а Коля выхлопотал для Тони у колхозного бригадира легкую работу в помещении. И девушку перевели в учетчицы.

За урожаем из города пришла самодельная баржа и привезла с собой Сашу. Выставив груз для сельмага и колхоза, капитан заторопил бригадира с погрузкой. По мосткам, с мешками на спине побежали к барже ребята из ремесленного училища. Саша увидел среди них Колю и помрачнел. Он проницательно глянул на стоящую на берегу Тоню, с которой недавно радостно расцеловался. Она, с тяжело дышащим спокойствием, выдержала его взгляд, сознавая в душе, что скрывает от него то, что здесь, в деревне, Коля стал много ближе ей, чем был в городе, хотя и не знал собой Сашу. Но от себя самой она не могла скрыть, что приезд Саши больше расстроил ее, чем обрадовал.

Погода, пугавшая девчат в первую половину месяца, сменила гнев на милость и продолжительное уже время баловала людей ясными, солнечными, но холодноющими деньками. Река синела, приняв в себя

капитан с председателем колхоза и бригадиром уединились для заполнения накладных, Саша, обняв Тоню за плечи, увел ее по берегу подальше от посторонних глаз.

- Тонечка, ты плохо выглядишь. Давай я тебя увезу, - сказал он ей.

Тоня, мало говорившая, чтобы не выдать простуженный голос, отрицательно покачала головой.

- Не возражай, Тонечка, что тебе больной тут делать?

- У меня подсчеты, - прижимая руку к горлу, чтобы, как ей казалось, удобнее было говорить, хрипло произнесла она.

- Ну, вот видишь, ты больна. Поедем, чтобы совсем не разболеться, - убеждал Саша.

- Я поправилась,... только голос, только голос, - отрывочно выбрасывала она слова.

- А его разве лечить не нужно? Он у тебя, Тонечка, золотой.

- Не могу,... я со всеми,... скоро, - отказывалась она.

- Ты, дорогая моя, еще и упрямница.

Саша прижал подружку к себе, осипая ее лицо бесчисленными поцелуями, как целуют прощаясь.

С баржи подали сигнал к отправлению. Саша и Тоня вернулись к судну.

- Ну что, не надумала? - спросил на последок Саша.

- Нет, - покачала она головой.

- Ну, береги себя. Возвращайся скорей. Жду тебя в городе, - проговорил Саша и, не обращая ни на кого внимания, крепко поцеловал девушку.

Баржа уже скрылась из виду, а Тоня все еще стояла на берегу, подавленно глядя вслед. Ей казалось, что вместе с судном из ее души ушел праздник.

- Сеструха, пошли, хватит мерзнуть, - тронул ее за плечо Коля.

Он снова установил между ними дистанцию, но все же был рядом.

По возвращении в город Тоня узнала, что у нее пропал певческий голос. Сколько Нелли ни пытались с ним поработать, ничего не вышло. Евгений Николаевич горестно скрутился и казнился тем, что не уберег лучшую солистку. Врачи тоже ничего для Тони не обещали. Кто-то из знакомых сказал, что голос могло посадить горячее молоко с медом, которым Коля выгонял из нее простуду. Выходит, оба они, по незнанию, убили ее хрупкий дар.

Тоне посоветовали дать отдых связкам, не раздражать их долгим разговором и острой пищей - возможно, голос тогда возвратится. Иногда Тоня заглядывала на репетиции, чтобы послушать бывших своих товарок. Евгений Николаевич встречал ее внешне приветливо, но ожидание чуда в глазах его уже не было. Нелли тоже не делала попыток проверить состояние ее голоса. И Тоня поняла, что заветная звезда ее жизни погасла - самодеятельности в ней больше не будет.

Тоне исполнилось восемнадцать лет, и ее поставили вочные смены. Это обстоятельство позволило ей потеряться для тех, кто до сих пор был ей близок и дорог. Она не ходила к дяде Мише, чтобы не встретить в его глазах сочувствие. Она начала избегать ни о чем не подозревавшего Сашу, откладывая свидания под видом того, что ей все время приходится подменять кого-нибудь на работе. Он пытался в ее сменах и чувствовал, что теряет подругу.

- Что с тобой, Тонечка, скажи? Почему ты такая понуряя, невеселая? Что случилось? Тебя кто обидел? - допытывался Саша, взывая к бывшей прежде откровенности между ними.

(Продолжение следует)

К 150-летию города Благовещенска

Галина БЕЛЯНИЧЕВА

(Окончание.
Начало в № 12-14 (272-274)

Тоня скрывала от него потерю голоса, считая, что без утраченного дара станет для друга неинтересной. А Саша был все такой же открытый, полный надежд, двигался вперед. Ее же крылья опали, и она от него безнадежно отставала. Зато от Коли она не пряталась, хотя и не назначала ему ни встреч, ни свиданий. Он приходил сам. Встречал с вечерней смены, провожал на ночную, никогда не путался в ее рабочем графике. Как он устраивал и чем обосновывал уходы из училища после отбоя, Тоня его не спрашивала, а он не рассказывал. Он, вообще, большей частью отмалчивался, не задавал вопросов и, тем более, не призывал к откровенности. Он будто заранее все о ней знал, а чего не знал - чувством предугадывал. Они молчком, и даже не под руку, проходили по ночным улицам и в конце маршрута - у почтамта или у калитки хозяйственного дома, коротко прощались. С Колей все так же было надежно, но скучно. Если Саша знала собой праздник, то Коля - будни, что больше подходило новому настроению Тони.

В иные дни Тоню охватывала остшая тоска по Саше, по празднику, по былым радостям. Ведь она даже на танцы теперь не ходила. Вспомнив все, Тоня расстраивалась и принималась плакать. А, выплакавшись, не искала встреч с Сашей, не бежала в Дом офицеров на танцы или на репетицию хористов. Она осаживала себя убеждением, что без самодеятельности у нее не может быть ни Саши, ни праздника.

Весной Коля оканчивал училище и в начале лета должен был уехать домой. Он все так же молча ходил рядом с Тоней, приручая ее к себе постоянством и верностью. Незаметно их отношения вызрели до объяснения словом. И молчаливый Коля это слово сказал:

- Давай, Тоня, поженимся и всегда будем вместе.

Довод «всегда будем вместе» особенно ее убеждал. Она насиливо разлучала себя с Сашей, разлуку же с Колей считала непереносимой. И потом, что ей делать в Благовещенске? Свой вальс ему она спела, а другого у нее уже не будет. Саше теперь она не пара. С Колей они равноправны, роднее друг другу и ближе. Заочный техникум для замужества не помеха. Да и само замужество с Колей в данный момент ни чему не помеха.

Она согласилась. Услышав это, Коля, отбросив обычную сдержанность, рванулся к ней, а она - к нему, утверждаясь в душе, что ее согласие не ошибка.

Объяснение с Сашей не вызвало у Тони мук совести. Ее возвышенное чувство к нему осело, как оседает под дуновением сквозняка тесто. Саша же принял ее объяснение тяжело.

- Но почему? - воскликнул он. - Почему? У меня к тебе ничего не изменилось. Что у тебя изменилось ко мне?

- Видно, я скорей тебя повзрослая, и мне нужно обновить жизнь, - сказала Тоня.

- Через год мы бы вместе ее обновили, - приуныл Коля.

- Год слишком для меня, слишком... и потом все уже решено, - окончательно подытожила Тоня.

Расписались они в городе, а свадьбу поехали играть в Колин поселок. Уезжали они по реке на рейсовом теплоходике. Дядя Миша расцеловался с племянницей на дебаркадере, скрывая про себя удивление, что рядом с нею не Саша. Но и Колю признал он душевно, и с ним, обнявшись, расцеловался. К своему огорчению, на борту теплоходика Тоня увидела Сашу, проходившего на нем штурманскую практику.

Когда теплоходик отплыл, и Тоня, прощаясь с дядей Мишей и городом, махала

тому и другому рукой, в душе ее зазвучал любимый ею вальс, но только слова она в него вложила свои:

Благовещенск родной,
Навсегда расстаюсь я с тобой.
Вечно стой такой молодой
Над амурской волной.

Во время пути Саша не беспокоила молодых свою персоной. Но когда Тоня случайно ловила его взгляд, то видела в нем

учится. А у вас как с детьми? - поинтересовалась Саша.

- Троє у нас и внуки взрослые, - сообщила Тоня.

- И по потомству вы меня обогнали, - без горечи усмехнулся Саша и в оправдание заключил: - Ну, это, как кому выпадает. Главное, что я хочу знать, почему ты тогда не меня выбрала? Чем я тебе не подошел?

«Благовещенский вальс»

Рассказ

все тот же вопрос: «Почему?» Со своей стороны она уже не чувствовала себя недостойной его. У нее приподнялись крылья. Впереди ее ждала новая жизнь с новым счастьем и новыми радостями.

Несмотря на то, что Саша старался не показываться на глаза, его присутствие на теплоходе сковывало молодых. Они уже открыли друг другу свои ласки. Из-за Саши приходилось сдерживаться, не показывать своей любви. Это мучило их в дороге.

Саша не вышел с ними проститься. Последний раз в Тоне шевельнулось чувство вины и потери светлой мечты. Но теплоход ушел, а для них с мужем тут была конечная остановка. Коля по-прежнему надежно держался рядом. И вскоре в Тонином сердце и памяти, кроме Коли, никого не осталось. А юность прошла.

Но вот она встретила Сашу, и воспоминания юности просияли ей светлым праздником. Они не смущали ее вопросами «почему?» и сожаленья с собою не принесли. Праздники мелькают, а жизнь течет такая, как есть. Подумав так, Тоня пришла в равновесие и в спокойствии приняла пришедшего в гости Сашу. Он явился в капитанской форме с хорошей выпивкой и закуской. Похоже, нарочно подгадал, когда Колю, и после выхода на пенсию продолжавший работу в хозяйственной мастерской, будет дома. У Тони тоже нашлось угождение. Они втроем сели, но разговор между ними завязался не сразу.

- Вы, молодцы, сохранили брак, - похвалил Саша хозяев. - А я, вот, два раза женился.

С первой женой мы празднично и красиво жили, а разошлись по дурости, потому что захотели свободы и личной жизни.

От первого брака у меня сын - семейный давно, сам живет. Вторая моя жена

молодая и добрая, а во мне, - произнесла Тоня.

- И какая же причина? - уставил на нее твердый и выжидательный взгляд Саша. На когда-то открытом мальчишеском лице с годами выложилось командное, волевое выражение человека, умеющего крепкой рукой держать обстоятельства.

- Я потеряла голос, - призналась Тоня.

- Голос? - изумился Саша.

В посветлевших к старости глазах Коли тоже плеснулось удивление.

- Голос..., - уже раздумчивой повторил Саша. - Неужели из-за этого стоило разрушать любовь?

- Я побоялась стать для тебя неинтересной.

- А я то ломал голову, из-за чего ты от меня отклонилась? Ты б хоть сказала, хоть намекнула, я бы тебе объяснил, что не голос, а сама любовь имеют для меня значение. А я что от тебя услышал? Что ты по-взрослела и хочешь замуж и ждать, когда я позову ее?

- Что мне еще оставалось делать? Без самодеятельности жизнь моя стала пустой, - застыдившись, объяснила Тоня.

- Вот, значит, как было, - вступил в разговор Коля. - Я-то думал, у вас нелады, и она по тебе сохнет.

- Ты тогда спас меня, Коля, от меня самой спас, - горячо встала за мужа Тоня.

- А я, получается, проглядел. Сам виноват, - взял вину на себя Саша. - Все теперь ясно. Давайте помиримся. Столько лет во мне обида не засыхала.

- Ты все такой же широкий, Саша, и великодушный. Прости меня, - с пробудившимся сожалением выговорила Тоня. - Вас обоих выбрать я не могла, но за любовь благодарна обоим.

11 ноября 2004 года.

Мой город

Люблю бродить по улицам твоим
Под снегом января или дождем июня,
Мой Благовещенск... Много ты любишь,
И этот стих тебе дарю я.
Поверь мне, не устану воспевать
Всю первозданность красоты твоей.
Наоборот. Мне хочется сказать:
Расти и крепни, город юности моей,
Расти и процветай, наш город славный,
Хвалу тебе поют и взрослые, и дети.
Для жителей своих - ты самый

главный

И самый лучший город на планете.

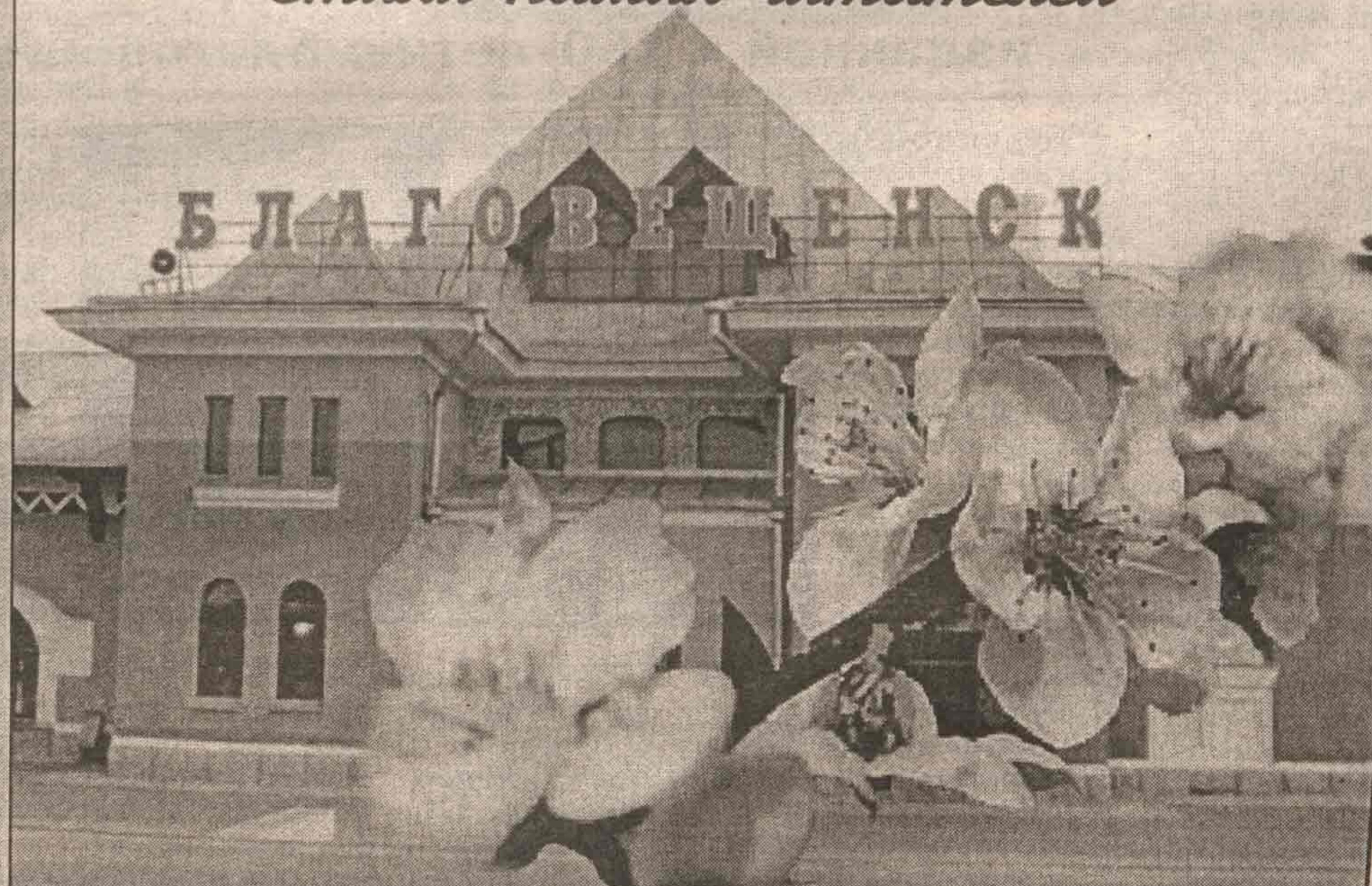
Алексей КОСТИЛЕВ,
житель города Благовещенска.

Любимый город

Я тебя люблю и нежу,
Словно милое дитя,
И в любви своей безбрежной
Объясняюсь не шутя.
Весь в черемухе душистой,
В пыльной шапке тополей,
Охраняешь ты границу
Милой Родины моей.
Твой багульник нежно - розов,
Словно ручка малыша,
Перед ним я на рассвете
Замираю, не дыша.
И зачем мне юг далекий,
(Кстати, очень дорогой!),
Если рядом самый лучший,
Благовещенск мой родной!

Любовь Алексеевна МЕЩЕРОВА,
пенсионерка.

Стихи наших читателей

Тихая улочка детства

Тихая улочка детства,
Дай твоим светом согреться!
Я забыла в разлуке с тобой,
Что когда-то была молодой!

Мне с Амура шальной ветерок
Не уронит листву на порог,
И сквозь годы никак не позовет

Всех, кого мне пришлось потерять!

Тихая улочка детства!
Дай твоим светом согреться!
Пусть припомнят твои тополя,
Как играла ребенком здесь я!

2006 г.

Бывшие
мальчики,
бывшие
девочки

Бывшие мальчики, бывшие девочки!
Где ваши чубчики, где ваши челочки?
Тонкие ручки и нежные пальчики,
Бывшие девочки, бывшие мальчики.

Время куда-то нас всех торопило!
Время безжалостно нас изменило.
Нынче вы дедушки, нынче вы

бабушки.

Внукам поете вы: «Ладушки, ладушки!»

Парк наш любимый — рядками скамеек.

Лица знакомые: мальчики, девочки.
Вам я желаю: живите

и здравствуйте!
В горе - крепитесь, а в праздники -
празднуйте!

Валентина ТЕЛУХОВА.